

но всмотрелся бы в изменения окружающей психики. Но для Б. Зайцева это — «жизнь как она есть». Это неинтересно. Гораздо лучше уйти домой, закупориться и читать Ариосто. Еще и то хорошо, что писатель-художник откровенен. Говоря об окружающем мире, он замечает: «между нами пропасть. В разные стороны мы глядим, разное живем, разное чувствуем. Я для них слишком *чуждой*, они для меня слишком *жизнь*». Инстинкт классовой приспособляемости сказывается, когда герой говорит «Жизнь — как она есть — долой». Подальше от этого, в свою раковину, где такой далекий от настоящего — бронзовый Данте, а в другой комнате икона божией матери в ризе серебряной на столе, убранный иммертальями.

Перефразируя чеховского Тригорина, можно сказать: мило, талантливо, но Чехов писал лучше. В своих лучших произведениях он был выше этой классовой ограниченности, не боялся жизни и ее скорбной правды.

Недурной рассказ Мих. Осоргина «Пиппо» далек от русской жизни. Но зато последний рассказ сборника вплотную подводит нас к жизни, которой так пугается Б. Зайцев. Рассказ А. Яковлева — самый значительный в сборнике. Если литература должна служить орудием великого познания жизни, то его рассказ выполняет это значение в полной мере. Перед нами яркая и художественно нарисованная картина летнего переселения крестьян Поволжья перед лицом засухи — первом подлинном зловещем факте предстоящего голода. Нарастает взаимная злоба. «Черной тучей она ползет по небу». Женщина бросает своего ребенка в воду и стоит равнодушная, а потом воеет диким голосом. И даже символическая «Белая Дева» еще сильнее говорит о растущем ужасе и неизбежной гибели многих страдальцев.

Как это все далеко от салонной поэзии и тихой идиллии помещицкой усадьбы.

Ив. Кубиков.

В. ИРЕЦКИЙ. Гравюры. Петербург, 1921.
Стр. 88. Продажн. моск. цена 12 т. р.

Книжка Ирецкого издана очень заботливым образом. Если откинуть ор-

наментацию обложки, подражающую наилучшим немецким довоенным образцам, довольно заметную безвкусицу художника (А. Н. Лео), то книжечка эта, отпечатанная в 15 петербургской типографии (Голике и Вильборг), может для нашего времени быть маленьким типографским шедевром.

Содержание книжки... ну, это уже не зависит от типографии — и его бледность особенно разительна при сопоставлении с этой столь обдуманной внешностью. В книжке восемь маленьких — крохотных рассказиков. Каждый из рассказиков стилизован под тот или иной из известных автору образцов, то ли под Декамерона, то ли под приключенские романы, то ли под старинные мемуары. Все они — безвредные и незлобивейшие анекдотики, не могущие, конечно, никого заинтересовать своим содержанием (хоть автор и кивает кое-на-кого, что у современников-де нет дара выдумки, — волнуется он зря, и у него этого дара на дожину строк). У каждого рассказика обрамленьце из вступления и заключения уже чисто-стилизационного смысла, а один снабжен даже предисловьем весьма оригинального свойства, сообщаящим, что «издатель» нашел этот рассказ в рукописной копии и не смеет им с нами не поделиться, — это высокозахватывающее предисловие занимает около пятой части всего рассказа. Учителем автора был, видимо, Кузмин, но от некоторой нервной резкости кузминской прозы мало здесь осталось, что же до стилизации, — то кто ею в свое время не занимался: и Щепкина — Куперник: что-то в «Ниве» стилизовала.

Тем не менее читаются все эти бонбоньерочки очень легко, и автор их, очевидно, некоторых способностей не лишен. Пожелаем ему на будущее время более серьезных трудов.

С. Бобров.

ВЛАД. ЗАЗУБРИН. Два мира. Роман в 2-х частях. Часть I. Издание Поарма 5. Стр. 294. 1921 г.

Роман издан Поармом, «на четвертой годовщине Октябрьской революции». Роман посвящается: «Красной армии, ее